

Слово, сказанное на юбилейном вечере 16 января 2017 года на художественной выставке в краеведческом музее г. Бор, по поводу 80-летия, Милостию Божией

Не отношу свое несовершенное творчество к духовной сфере, скорее к душевной, но... «Остановка в духовной жизни есть уже движение назад. Подавляйте возношение мысли и сердца всякими смиренными о себе чувствами» (свят. Феофан Затворник).

Выхожу один я на дорогу;

Сквозь туман кремнистый путь блестит;

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,

И звезда с звездою говорит.

В Рождество мне всегда, почему-то, после тропаря «и Дево днесь Пресущественного рождает», хочется пропеть эту песнь (этот романс): «Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу...» Где-то я читал (смутно помню), что Михаил Юрьевич будто был подвержен, когда писал этот стих, каким-то языческому веяниям и богословие стиха (как бы) не православное. Но мне такая мысль не интересна, да думается и большинству... пленит картина, открытая взору поэта, и космическая ее красота — красота творения Божия.

Им — Михаилу Юрьевичу и Александру Сергеевичу — «не угрожали» многолетние юбилеи. Им скоренько пропели «вечную память», но зато потом наступило их настоящее многолетие, и сколько уже поколений, в том числе и мы с вами, чувствуем их каждый год (один не дожид до 30-летнего юбилея, другой — до 40-летнего)... Или вот, позавчера Церковь чествовала Василия Великого, не дожившего до 50-летнего юбилея, но уже 1600 лет верующие поют ему «многолетия», прославляя Бога, прославившего его.

Нам такое не грозит, поэтому мы спешим здесь пропевать «многолетия», а петь надо: «Тебе Бога хвалим...»

«Алчба и жажда» о Господе — о Причастии, которых у нас нет, — делится в беседе один христианин. А я, говорит, застал тех людей, которые, чтобы Причаститься Святых Христовых Таин, не вкушали три дня. «Духовной жаждою томим» — это о том же.

Вы спрашиваете, почему книга называется «Последняя тетрадь»?

Потому что!..

Мне сегодня исполнилось 80 лет, а я не чаял и до 60-ти лет дожить. Благодарение Господу!

На днях мне пришлось говорить с болящим старым (во всех смыслах) другом в больнице, и он, несмотря на слабость физическую и на «эмоциональное истощение» (так он определил свою болезнь: то ли по диагнозу невропатолога, то ли сам изобрел такое заключение), все же не остался безучастным собеседником. Он действительно сильно «сдал», и призывов прежних, коими он отличался («Пишешь-рисуешь? Надо-надо, непременно»), ныне от него не исходит, однако в конце, когда мы уже прощались, спрашивает:

— Записки свои продолжаешь?

— Да, продолжаю немного, но не уверен, что надо. Может быть, пора замолчать?

— Не молчи, если записывается...

Итак, выходит, что если что-то «запишется» и составит книжица, то, кажется, называться она должна «Молчание».

А что? Разве нельзя назвать «молчанием» эту строчку Лермонтовскую: «Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу»? Кто бы и как бы не стал описывать красоты звездного неба, главным содержанием этой картины при тысячах вариантов-ответов останется «молчание»!.. Молчание Необъятного Космоса, до (если без Бога — без веры и надежды) какого-то превращения в «ледышку» и «глухоту», болтающуюся в неведомом и неопишемом (во всяком случае, пока жив) пространстве. (Там-то, ведь, все станет понятным и ясным).

Итак, мысль: «Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу...» И «Выхожу один я на дорогу» — это состояние души и духа всякого человека непременно будет. Когда человек останется один. Один на один с Богом. И пойдет не «по кремнистому пути», как у Михаила Юрьевича, а по «млечному пути», оставив все земное, оставив даже любовь близких и дорогих людей, покинув их безвозвратно. Этому «выходу одному на дорогу» должно (или очень желательно) предшествовать покаяние. Еще здесь! До того, как переступит он — человек — тот «космический порог» и выйдет на «последнюю», уже потустороннюю прямую — на бесконечный «млечный путь».

Всякий человек верующий, а тем более священник, хорошо знает сказанное еще псалмопевцем-царем Давидом: «Что жизнь человеческая? Семьдесят, аще в силе восемьдесят лет, и большинство дней — труд и болезнь». И вот в таком «коридоре» (с одной стороны дела, даже самые благоприятные, а с другой — «космическая пропасть», в любой момент в которую можно упасть, должен человек балансировать — находиться, двигаться, упоая на Милость Божию и проявляя, выходит что, свою волю. Но как же это все таинственно и неведомо никому.

А мы говорим: «Многая лета...» Какая «многая»? Все кончилось, и каждый день — подарок, за который «Благодарим Тебя, Христе Боже».

Алексей Ильич Осипов рекомендует (на основании старцев) «ничего у Бога не просить...» По их мысли, когда мы просим, мы Ему не доверяем. Нам это не подходит. Мы обязательно будем просить. Но знать такую позицию полезно. А вдруг, в какой-то момент кто-то созреет до такого понимания?.. Это будет что?

«Ночь тиха» (молчалива, значит). «Пустыня внемлет Богу!» Пустыня очищенного сердца?.. Неужели очищенного?

Закхей, тоже сын Авраамов (хотя и грешный, как и большинство людей), но Господь и пришел чтоб грешного спасти.

Закхей был мал ростом, а те, которые больше ростом, запросто могли видеть человека, который мог исцелить, научить, обрадовать, насытить. Они почему толпами окружали Его? Чтобы получить что-то осязаемое: исцелиться, насытиться... И потом, может быть, забыть. Ведь мы знаем историю осуждения Христа, как всего за неделю тот же народ, та же толпа наученная «учителями» кричала: «Распни!»

Закхей не был большим или прокаженным. Он не был одержимым духом нечистым. Он просто таким родился, «не вышел ростом», но ум и совесть у него были как у высокого ростом человека. Он, можно даже сказать, был одержим совестью. Он преуспевал в своей работе общественной — мытарь, сборщик пошлин (налоговый инспектор на современном языке) и, наверное, был мягче других, не так суров и безжалостен к налоговым должникам. Но совесть не оставляла в покое, и Закхей «влез на дерево», чтобы увидеть Христа, когда Он будет проходить мимо. Вот тропа, по которой Он приближается тесным народом. И что мы слышим: «Закхей! Сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме. И он поспешно сошел и принял Его с радостью».

Но как долго он жаждал этой встречи! Как много молился сердечно!..

Многие из нас, если не сказать все, говорим о рассеянности на молитве, что она, молитва, далека от настоящей — чистой. Оказывается, об этом сокрушались и великие святые отцы. Исаак Сирий: «Как из многих тысяч (...) разве один найдется, способившийся при великой осторожности достигнуть чистой молитвы, расторгнуть этот предел и принять оное таинство, потому что чистой молитвы никак не могли сподобиться многие, сподобились же весьма редкие...»

неделя о блудном сыне

Закхей искал встречи со Христом. И нашел. Мытарь начал молиться и начал обретать сладость молитвы. А блудному сыну не до Христа было, пока не почувствовал окончательную погибель и не опомнился, чтобы возвратиться... к Отцу.

В прошлое Воскресенье мы с вами читали (говорили) такие слова: «Человек ищет встречи с Богом. Где она, эта встреча, может произойти? В храме? У стен храма? У койки болящего? Или при чтении хорошей литературы, талант писателя которой крепится на христианской основе и закреплён знанием Заповедей Христовых?»

«Человек ищет встречи с Богом» и «Где эта встреча может произойти?» Потом, анализируя эти слова, я их убоялся, что вы могли подумать обо мне слишком хорошо (что я имею свой какой-либо опыт духовный) и отнести «цитированное проповедником» ко мне. А потому говорю сейчас, что ничего примерного, яркого, достойного у меня не было, и единственное, что меня «греет», это мысли авторитетные, мысли святых (и, как говорится, Слава Богу!). У меня нет никаких оснований претендовать на примерность (другое дело — надеяться на Милость Божию). В этой связи можно продолжить мысль: я такой же «блудный сын», только не в смысле распутства телесного, а в смысле блуждания душевного, в смысле жизни по страстям — по эмоциям, по привычкам, по чревоугодию, то есть дух не парит «горе», а где-то в загоне, к сожалению, но... «что поделаешь?»

И еще были прочитаны слова: «Может ли христианин, всю жизнь следующий предписаниям религиозной традиции, так и не встретить своего Творца? И если подобное возможно, как же нам не пройти мимо Христа, как узнать Его?» И если, «встретив и узнав», и «услышав» — принять Его в свое сердце... и последовать за Ним?»

Может ли? Оказывается, совсем не просто, и жизнь в своем разнообразии нередко «выдает» совсем неожиданные результаты. Был человек «примером»... и вдруг «выпал» в одночасье, потому что осуждал и гордился...

Мы читали с матушкой из подаренной книжки Алексея Осипова на случайно открывшейся странице теперь уже известные и часто слышимые слова, безусловно, правильные и интересные, о чувствованиях Александра Сергеевича Пушкина: «Наш русский гений глубоко понял, что земное странствование бессмысленно, если оно навсегда прерывается смертью. Он понял, что человеческая жизнь со всеми ее переживаниями, надеждами и стремлениями, добром и злом не может быть напрасной и случайной. Что она лишь в том случае находит в себе разумное оправдание, если смерть тела — не тупик, если личность человека не уничтожила и ее ожидает бесконечность жизни. Но это возможно только при бытии Бога. Ибо если Он есть, то есть и вечная жизнь, и смысл жизни на земле. Как известно, Пушкин с именем Бога на устах перешел в тот мир вечности, который открылся его исканиям».

Итак, вплетая данную мысль в нашу сегодняшнюю тему, можно заключить, что «блудный сын» возвращался к Отцу... Радость великая! И для него, и для нас. Это же ведь очень хорошо осознать, что величайший талант не увлек его в гордость и самомнение, а способствовал (через скорби и боль физическую, Промыслом Божиим) к поиску и обретению Истины. Но то ли от того, что мы это раньше читали, то ли потому, что дальше были сухие исторические цитаты и не было жизненных примеров, мы отложили

книгу и взяли другую. Болящему человеку нужно что-то попроще, и... я взял с полки Лескова: «Христианские предания и сказки». В оглавлении остановились на «Прекрасной Азе» (тоже известное и читанное повествование, но подзабытое).

Молодая прекрасная девушка — египтянка, рано осиротевшая, но получившая большое и на всю ее предполагаемую благополучную жизнь наследство... Жизнь ее была благополучна, размеренна, тиха и спокойна до тех пор, пока она не встретила в своем саду в сумерках человека, прилаживающего к дереву веревку, чтобы повеситься... Всяческими убеждениями, а может еще и красотой своей, Аза расположила отчаянного человека рассказать свою погибельную историю... И в результате она «пошла к богатому ростовщику и заложила ему за высокую цену все свое имущество, и взятое золото отдала на другой день, чуть было не покончившему жизнь, незнакомцу, избавив от долга и позора его семью и, главным образом, его дочь, должную быть, за отцов долг, взятою в наложницы.

История известная — сказка с хорошим концом, что называется, «над вымыслом слезами обольюсь», но вымысел жизненный — христианский. И спасительный. Но главное — не в этом. Точнее сказать, «заковыка» — в другом. В том, что люди вообще (и мы с вами, в частности), и по мелочам жизни вольно или невольно, в силу «буквы закона», бываем «фарисеями», или «оцеживающими комара и проглатывающими верблюда». История с Азой заканчивается тем, что после (на нашем языке) «панели», или падения «ниже плинтуса» (опять же уподобляясь жаргону), ей встречается (или ее находит) христианин-философ. Преподает ей азы Христовой веры и направляет ее по адресу пребывания христианской общины, где ее окрестят; и она, нимало не медля, пришла туда. Но там ее обличил один клирик, сказав, что она «очень похожа на блудницу, которая часто ходила на берегу Нила». Аза призналась, что она «и есть та самая блудница», но не намерена туда возвращаться, хочет быть христианкой.

«Ты должна прежде очистить себя покаянием и постом». И она долго постилась, питаясь кое-каким подаванием из сострадания. Изнемогая, Аза снова пришла с просьбой крестить ее и принять со всеми в общение. Клирики сказали ей: ты должна принести при всех покаяние.

— Да, я затем и пришла, чтобы сказать всем, как дурна моя жизнь, но я изнемогаю и боюсь, что скоро умру. Прошу Вас: скажите епископу, что я прошу скорее принять меня в общение.

А епископ велел назначить Азе катехизатора, который должен был протолковать ей символ веры и все догматы и потом удостоверить ее познания и тогда... Выходит, что «все пренебрегали ею» — навешанные ярлыки сбрасывают...

Аза не дождалась... «Совершилось чудо: когда отверженная египтянка лежала больная «в малой хлевине», туда к ней среди ночи вошли «два светлые мужа, и одели ее в белые «крестильные ризы». В них и осталось на земле мертвое тело Азы, а живой дух ее отлетел в обитель живых».

«Кончина Азы, одетой в крестильные ризы, сделала затруднение клирикам: они недоумевали, по какому обряду надо похоронить эту женщину, но неожиданно пришел тот чужестранец, который говорил с усопшею Азой у берега Нила. Он был философ и пресвитер сирийский, друг Исаака Сирина, он вернулся сюда с дороги, по внушению Духа. Он наклонился над Азой и стал читать христианские молитвы, а пока он молился, тело Азы зарыли в землю, но сириец еще долго стоял и смотрел вдаль — он что-то думал, он был в восторге и двигал устами.

Его спросили:

— Верно, ты видишь что-нибудь чудное?

— Да, — отвечал он, — я вижу, как будто бы небо отверзто... и туда... кто-то входит...

— Неужто, блудница?

— О нет!.. Блудницу вы закопали в грязь. Я вижу... как легкая струйка с каленого угля сливается с светом — мне кажется, это восходит дочь утешенья...»

Ну, вот, видите, какая печальная «сказка», с каким прекрасным концом... Видим или не видим в «блуднице» очищенную душу, восходящую к Богу? Видим, благодаря одному «Видящему» — тогда философу (бого-

слову) сирийцу... А остальные — те, к которым он же ее послал (и епископ тоже) — не видели... И попробуй тут разберись, где возникает в нас, в людях, «фарисей» и куда исчезает «мытарь», и где «блудный сын» все еще «блудит» и никак не соберется возвращаться к Отцу, а старший брат того же евангельского «блудного сына» все так же презирает его, завидует и никак не осознает, что «мертв» же был и «ожил».

Ну, неисправимы мы, Господи. Ты исправь нас и спаси...

Незнакомец, спасший прекрасную Азу, был, как мы слышали, другом Исаака Сирина, и это значит, что описываемые события относятся к временам VII века. Но поучительные истории происходили и происходят во все времена, да и Притчи Евангельские читаются до сих пор, и, значит, и «Закхей», и «мытари с фарисеями», и тем более «блудные сыны», пребывают среди нас и в нас. Обстоятельства только другие, и география другая.

На днях мне дает один человек совсем свежую повесть, вчера написанную о позавчерашних событиях, простых людях, совсем не героях и не праведных. Может, говорит, вам понравится; меня, говорит, тронуло до слез... Про Бабманю-самогонщицу. Ну, и я прочитал и тоже прослезился. И чего бы вроде? После перестроечная, гайдаровская в стране обстановка — серятина и маета. Но, вот, поди же ты, тронула; может быть, потому что Бабманю надо было назвать «виноварней», потому что она делала все по чести чисто и с травами, и, главное, чтобы не только не навредить, а еще, может, и вылечить. Сегодня этот пример на «вооружение» надо взять, потому что «они» же нам показывают, сколько отравы продается и ею отравляют. А поскольку мы без напитков таких не можем жить (ну, хотя бы в праздники), то, значит, надо, чтоб «знать, что пьешь». Такое же положение, кстати говоря, у нас и с землей (с удобрениями, и с кормами, и с семенами), и по возможности исправлять все это на своем огороде — достойное всякого добросовестного человека дело.

Итак, Бабманя делала свое дело честно, чтобы «не навредить», но считала себя «недостойной посещения церкви», а только еженедельно тайно вносила (отдавала в руки в ночи священнику) жертву, а сама «задами-огородами» убегала... И таким образом на ее пожертвования многое сделано было в храме, о чем все узнали, когда священник при ее отпевании и огласил, благодаря покойную и приводя в пример ее, Бабманину, жизнь, тихую, смиренную и «со страхом Божиим»... И вот, все село ее хоронит: и мужики, и женщины, и дети; и батюшка после отпевания возглавляет процессию и идет на кладбище; и колокол, приобретенный на Бабманину жертву, начинал благовест, а потом и другие колокола вступили. И пение, и единение всех...

Но вот, «близ погоста встретились нам двое Гадариных, — говорит рассказчик, — отец и старший из сыновей. Бабманю они недолюбливали, считали тунеядкой и спекуляншей... и не пошли они на отпевание вместе с односельчанами, а по росе еще начали косить прикладбищенскую траву.

В большой семье Гадариных все были набожные, по большим праздникам исправно ходящие к обедне... и были самыми уважаемыми в округе. А сейчас, когда похоронное шествие приближалось, они, «поворотившись ко гробу задницами, отец и сын, ворошили граблями скошенное по утру сено. Когда же все скрылись за поворотом на погост, отец гадаринский отложил грабли, отер пот и, вынув из кармана туго набитый кисет, сказал сыну:

— Смотри, Санек, что творится-то! Мать нашу хоронили, так Сергей и с паперти поленился сойти, а тут аж на погост поперся!

— Точно, батя! — поддакнул сын. — Самогонщицу какую-то хоронють, а раззвонились, как на Пасху.

— Чудны дела твои, Господи!

И оба дружно перекрестились, обратившись к востоку, туда, где над высокими вязами плыл в синем небе золотой купол со крестом.

Сын снова взялся за грабли. А отец, присев на корточки, принялся отсыпать в ладонь ароматную моршанскую махру».

Вот и все на сегодня примеры по поводу «недели о блудном сыне». И можно бы остановиться на этом (да и все-таки литература художественная — мало ли, как обыгрывает писатель), но слишком уж похоже на наше, бывает, душевное состояние. Мы и перекрестимся, и на церковь обернем-

сидя, но «фарисея», в себе живущего, не увидим, не дадим труда — различить. А это значит в очередной раз, в какой уже по счету — и не сосчитать, может так случиться: «христианин, всю жизнь следующий предписаниям религиозной традиции, так и не встретил своего Творца». Мимо Он проходит, и мы не узнаем.

«Мытаря» со славой и почестями хоронят, а нас не проймешь — «самогонщица» же была, чего тут разбираться. Или «блудница»... То, что показались, нас мало волнует, и то, что Сам Христос «написал на песке грехи блудницы, а ветер их сдул», а словесно произнес: «Не осудил тебя никто? И Я не осуждаю — иди и не греши», — это мы тоже почему-то забываем, хотя, кажется, читаем Новый Завет. (Использованы сюжеты из «Прекрасная Аза» Н.С. Лескова и рассказа «Травиночка» пока неизвестного автора, друга нашего прихожанина).

В прошлое воскресенье мы с вами говорили, что Церковь начала готовить своих чад к Великому посту, и что грешный Закхей-мытарь ИЩЕТ встречи со Христом. А в это воскресенье Церковь предлагает нам разобраться в качестве наших молитв. Какими они, молитвы, предстанут перед Всевидящим и Всеведующим Богом.

Фарисей внешне молится, но практически это не молитва, а, скорее, «торг» с Богом. Или показ своих праведных дел: они так «праведны», что Бог его, фарисея, осудить не может. Мытарь молится без правил, и ничего-то он не выполняет и «недостойн прощения», а потому стоит у порога Храма и только бьет себя в грудь, сокрушаясь о своем достоинстве...

В заключении Апостол говорит, что сокрушения сердечные и молитва мытаря приняты Господом, а горделивое самолюбование фарисея не принято, потому что это, очевидно, не молитва.

Человек ищет встречи с Богом! Где может эта встреча произойти? В храме? В молитвенной комнате? У койки болящего родственника? Или на природе, как у Закхея?

«Может ли христианин, всю жизнь следующий предписаниям религиозной традиции, так и не встретить своего Творца? И если подобное возможно, как же нам не пройти мимо Христа, как узнать Его? (задает себе вопросы проповедник...) И самое главное, сможем ли мы, встретив, услышать и принять Его в свое сердце, во всем довериться Ему, и последовать за Ним?»

Не чаще ли бывает у нас так: идет человек по улице мимо Церкви (город, машины, много людей) — перекреститься или не перекреститься на Храм Божий?.. Не знаешь, как поступить: Храм, ведь, не икона — камень... Но на нем — Крест, а на Кресте Христа распяли. Понимаешь, но ты уже прошел Храм, а мысли-то не прошли... Не знаешь, как? Может, и лучше — «не пляться» — «Бог в душе!» Молитва в уме теплится, и ладно... Человеку свойственно ошибаться, человеку свойственно сомневаться. Сокровенная сердечная «хижина», кто ее проверит, кроме совести своей и Бога?

Но вот человек не сомневается. Он едет, везет барина, и на каждый Храм крестится, а барин подсмеивается над ним. Это XIX век (может, середина, может, конец, но «вольтерьянский дух» уже заражает Русь...). Барин подсмеивается, а мужик (извозчик) молчит и крестится. Крестится и молчит... «Доехали, барин хотел было уходить. И вдруг мужик, молчавший всю дорогу, неожиданно заговорил: «Барин, а барин?» «Что?» «А вдруг Он есть?» Барин был потрясен. Этот простой и ясный вопрос поразил его и оказался сильнее всех атеистических хитросплетений. Действительно, а почему «Бога нет»? А если Он есть, то... Но то еще был XIX век, и «Гинзбурги» «с научной точки зрения» не могли на весь мир вещать о безбожии... Но мы-то не такие. Мы же «правильные».

Вот один батюшка в этой нашей правильности сильно сомневается. Оказывается, по его наблюдениям и умозаключениям, «в России о Господе знают очень мало, и даже, что еще более удивительно, православные христиане порой знают о Целителе Пантелеимоне или Чудотворце Николае больше, чем о Нем. (В этой связи, может, нам надо осторожнее осуждать

стантов, которые только и говорят о Боге. Осторожнее и внимательнее.) Заходишь в дом, поднимаешь глаза: икона Божией Матери, икона Ангела Хранителя... а вот образа Спасителя нет! Не случайно в одной современной книжке православные христиане иронично называются «николаитами», то есть людьми, почитающими, прежде всего, Святителя Николая. Как раз поэтому мне хотелось бы поразмышлять с вами именно о Христе».

Я совершенно согласен с автором этих строчек и как-то вам уже говорил, что, будучи еще в Кинешме, возмущался перед прихожанами, выказывая им, что «на Николу» – 19 декабря народу в храме было больше, чем на Рождество Христово. Да, Святитель Николай Чудотворец – великий, почитаемый Святой, но не Бог! Это надо твердо знать, чтобы не устыдиться и перед святым Николаем, всем своим нутром служившим Христу-Спасителю и потом уже людям.

Итак, о Христе! О Котором мы недостаточно и несправедливо мало знаем: Христос еще не родился, Его еще не было на земле, но Он уже существовал в многочисленных и недвусмысленных пророчествах. О Нем говорили, Его ждали, Его заранее любили, за Него отдавали свои жизни, с Ним уже тогда боролись...

С какого времени на земле заговорили о Христе? С того момента, как люди обрели дар речи. Не было такого времени, когда бы о Нем ничего не знали и не говорили. Согласно Протоевангелию, или, говоря по-русски, Первоевангелию, это воззвещение было дано первой человеческой чете — Адаму и Еве. История их грехопадения всем хорошо известна: им было возбранено вкушение плодов с древа познания добра и зла. Тем не менее, они это сделали, и произошел грех. Следует отметить, что они нарушили Божий запрет не в поисках истины и не для того, чтобы познать суть добра и зла, а поддавшись искушению змия — духа лукавого и нечистого. Этому духу, поименованному в Библии древним змием, Бог говорит:

«И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (*Быт. 3: 15*).

Адам и Ева еще не изгнаны из рая. Человеческая история еще не началась, потому что она берет свое начало с того момента, когда Адам и Ева оказываются здесь, на этой, как мы говорим, грешной земле. Однако уже в предыстории человеческой заложено это пророчество: Вражду положу между тобою, то есть змием, и между женой. Семя змеи — это грех, и, действительно, вся история человечества — история борьбы добра со злом. Они неизменно противодействуют и борются в душе каждого человека. Известно выражение Ф.М. Достоевского: «Дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей»...

Вся мировая история — развернутое описание этого сражения. Слово «семья» и в еврейском первоисточнике, и в греческом переводе означает не «потомство», а «потомок», о котором сказано в единственном числе. Иными словами, появится потомок, который будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту. Придет Тот, Кто сокрушит главу змия, то есть сокрушит главу греха, исторгнет его жало. Но грех не сдастся без боя. Этот древний змий, дьявол, будет жалить в пяту.

Пятой человек касается земли. Святые отцы говорили, что пята — это образ плоти, человеческой природы во Христе. Эта человеческая природа и была ужалена дьяволом. Именно над ней издевались, в нее плевали, и, наконец, в нее заколотили гвозди. Христос был распят, то есть Он был «ужален в пяту» — в Свою человеческую, земную природу, потому что Его Божественная природа недосыгаема для сил зла. Человеческая же природа для того и была явлена миру, и об этом было сказано изначально. Таким образом, с самого начала человеческая история — это распрямляющаяся пружина, а Христос — ее движущая сила.

История телеологична, то есть она разворачивается в соответствии с заранее предопределенной Богом целью. Это — не просто бессмысленный круговорот времен, как говорит Соломон устами Екклесиаста и как полагали многие философы. Истории присуща четкая направленность, и весь вектор древней истории был направлен ко Христу.

Родоначалник монотеизма на земле — Авраам. Все три монотеистические религии — иудейская, христианская и мусульманская — называются

авраамическими. Их приверженцы считают себя детьми Авраама и исповедуют Единого Бога Авраама. Монотеистические религии противостоят язычеству и политеизму, то есть многобожию и демонопоклонничеству. Авраам — еще не основатель религии, а простой, никому не известный месопотамский пастух, не очень бедный и не слишком богатый. Господь говорит ему: «Пойди из земли твоей[1], от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе» (*Быт. 12: 1*). И далее: «И явился Господь Аврааму и сказал: потомству твоему отдам Я землю сию» (*Быт. 12: 7*).

Слову «потомство» опять-таки и в еврейском, и в греческом языках присуща лишь форма единственного числа, то есть «потомок». Это заметил еще апостол Павел: «Не сказано: и потомкам, как бы о многих, но как об одном: и семени твоему, которое есть Христос» (*Тал. 3: 16*).

Авраам — первый человек, восходящий к представлению о Едином Боге, являющемся ему и сразу же пророчащем о его потомке, который и будет обладателем этой земли. Вся вера Авраама устремлена ко Христу, она, по сути, христоцентрична, хотя, казалось бы, что мог знать Авраам о Христе, о Его Рождестве, Преображении, смерти и Воскресении? Однако о Христе ему было уже возведено. Ему не просто отдается земля для потомков, ему даруется земля, которая впоследствии будет названа «землей Иисуса», то есть землей, с которой началось спасение.

В начале ставился вопрос: «Может ли христианин, всю жизнь следующий предписаниям... и не встретить Своего Творца?» Судя по сегодняшнему фарисею — может, к сожалению...

Остается только пожелать всем нам: БЫТЬ «фарисеями» — познаниям и исполнениям заповедей. И «мытарями» — по состоянию души, то есть по сокрушенному слезному покаянию. Знать, исполнять и смиренно молиться. (Использована статья из книги: «Кто же Сей?» прот. Геннадия Фаста).

беседа про ангела

Нашей правнучке Насте восемь лет. Мы встречаемся редко, и она всегда имеет вопросы. В этот раз задает неожиданный вопрос: может ли Ангел-Хранитель (или, говорит, какой еще бывает Ангел?) проявиться в этой жизни, как-бы реально — видимо?..

Нужно отвечать немедленно. Подыскиваю слова, вспоминаю, и говорю:

— Чтобы видимо — ощутило, это бывает очень редко. И для избранных, Богом отмеченных людей. А невидимо бывает часто, и всякий человек, или почти всякий, может вспомнить какой-нибудь «пустяк», который явно происходил не без помощи Ангела Хранителя. (Я вот недавно под скользнулся и упал и должен был, кажется, сильно удариться, но вдруг почувствовал, словно меня кто-то аккуратно и мягко положил... как говорят — «соломки подложил»).

А явно, как ты, говорю — спрашиваешь, есть очень яркое повествование из Библии, в книге: «Товита». Я с детства еще помню. У нас была Библия с иллюстрациями Гюстава Доре. И мне запомнилась красивая картинка: прекрасный пейзаж с деревьями, холмами, вдаль уходящими горами, река, и на берегу сидит юноша с большой рыбой, удерживая ее руками, а взором, обращенным от зрителя к человеку рядом стоящему, тоже молодому, с посохом в руках и что-то говорящему юноше. Тогда в далеком детстве нам не читали, в силу физической занятости родителей, а если и читали, то очень редко, в основном краткие истории по картинкам. В молодости некоторые короткие книги Библии я читал, такие как: «Руфь», «Есфири», «Иова», «Товита». А вот совсем недавно я начал перечитывать Библию, и «Товит, Товия и Ангел Рафаил» меня в некоторых строчках до слез умилили. И теперь, слушай, Настя, я перескажу тебе кратко историю той семьи, где заповеди Божии соблюдались и младшие старших неукоснительно слушались и почитали. А чтобы все было последовательно и понятно, некоторые места из Писания приведем дословно:

«Я, Товит, (говорит главный герой книги «Товита», причем, следует тебе напомнить, что герои Библейских книг, вообще, не выдуманные не фантастические, а реально существовавшие люди) во всей жизни моей ходил путями истины и правды, и делал много благодеяний братьям моим и

народу моему, пришедшим вместе со мною в страну Ассирийскую, в Ниневию...»

То есть это был плен, и в плену его соплеменники соблазнялись языческими верованиями и нарушали заповеди Божии, а Товит «соблюдал душу свою» и не нарушал — «не ел снейдей языческих — идоложертвенных», (то есть не ел еды, принесенной в жертву идолу — ложному богу). Сейчас тебе, Настя, некоторые слова или выражения могут быть непонятны, вырастешь побольше, сама перечитаешь и по возрастании поймешь, а мы не будем отвлекаться на их разъяснение.

И вот этот Товит, живя в стране языческой, то есть не ведающей Истинного Бога, «не поддавался их верованиям», как некоторые, а духовно сопротивляясь, часто ходил в Иерусалим на праздники, как предписано всему Израилю... и относил в Иерусалим «десятину», то есть жертвовал служителям Иерусалимского храма и другие добрые дела старался делать, и Господь его вознаграждал...

«Достигнув мужского возраста, я взял жену Анну из отеческого нашего рода и родил от нее Товию», находясь, как мы уже сказали, в плену в Ниневии, но покровительства Божественного не лишились. Мы знаем, что и в жизни верующего человека бывают происшествия, которые поначалу, на первый взгляд, кажутся-бывают печальными, а потом оказывается, что они происходят и завершаются промыслительно благополучно и с пользой.

Следует добавить, что у Товита была еще одна добродетель — он хоронил людей безродных, беспризорных, а по еврейским законам человек, коснувшийся мертвеца, считался «нечистым» до следующего дня, и однажды, возвратившись после погребения и по причине «нечистоты», «лег спать за стеною двора, и лице мое (говорит Товит) не было покрыто. И не заметил я, что на стене были воробьи. Когда глаза мои были открыты, воробьи испустили теплое на глаза мои, и сделались на глазах моих бельма. И ходил я к врачам, но они не помогли мне» («Товит» гл. 2 ст. 9-10).

И стал молиться Товит Господу о слепоте своей. Усердно молиться. В то же самое время, далеко от Ниневии (где, как мы уже сказали, жил Товит с женою и сыном), молилась о своем горе родственница его по имени Сарра в Екбатанах Мидийских. Горе ее заключалось в том, что злой дух Асмодей умерщвлял ее женихов. Их было семеро, и все умерли «прежде, нежели они были с нею, как с женою...» Действительно — горе, и девушка усердно молилась. Молитвы обоих Богом были услышаны. «И послан был Рафаил исцелить обоих: снять бельма у Товита и Сарру... дать в жену Товии, сыну Товитову, связав Асмодея, злого духа; ибо Товии предначинено наследовать ее».

В тот день вспомнил Товит, что в той же Мидийской области живет некто Гаваил, которому Товит отдал на сохранение серебро (свое богатство), и теперь, думал он, пошлю я сына своего, чтобы получить его, прежде чем умру. И еще наказывал ему, чтобы он не брал себе в жены чужеземку, а взял в стране нашей и жил с нею по Заповедям отцов наших: Ноя, Авраама, Исаака и Иакова.

Так говорил Товит сыну своему Товии: «Теперь я открою тебе, что я отдал десять талантов серебра на сохранение Гаваилу, сыну Гавриеву в Рагах Мидийских...»

И сказал Товия в ответ ему: отец мой, я исполню все, что ты завещаешь мне; но как я могу получить серебро, не зная того человека?

Тогда отец дал ему расписку и сказал: найди себе человека, который сопутствовал бы тебе; я дам ему плату, пока еще жив, и ступайте за серебром.

И пошел он искать человека и встретил Рафаила. Это был Ангел, но он не знал...»

И привел он спутника своего к отцу своему и тот, удостоверившись о благонадежности его, благословил их в путь... «И отправились оба, и собака юноши (то есть Товии) с ними» (Там же гл. 5 ст. 17). И «пришли путники вечером к реке Тигру и остановились там на ночь. Юноша пошел помыться, но из реки показалась рыба и хотела поглотить юношу. Тогда Ангел сказал ему: возьми эту рыбу. И юноша схватил рыбу и вытащил на землю.

И сказал ему Ангел: разрежь рыбу, возьми сердце, печень и желчь, и сбереги их. Юноша так и сделал, как сказал ему Ангел; рыбу же испекли и съели; и пошли дальше и дошли до Екбатан» (Там же гл.6 ст.2-6).

Ныне переночуем у Рагуила, родственника твоего, повелел Ангел, «у которого есть дочь, по имени Сарра. Я поговорю о ней, чтобы дали тебе ее в жену, ибо тебе предназначено наследство ее, так как ты один из рода ее; а девица прекрасная и умная». Но слышан я, — стал возражать юноша Ангелу, что у нее было семь женихов и все они умерли прежде чем стать мужьями, боюсь и я не стать следующим... злой дух-демон погубит и меня.

Не будет так, — услышал он в ответ: «когда ты войдешь в брачную комнату, возьми курильницу, вложи в нее сердце и печень рыбы и покури; и демон ощутит запах рыбы и удалится, и не возвратится никогда.

Когда же тебе надобно будет приблизиться к ней, встаньте оба, воззовите к Милосердному Богу, и Он спасет и помилует вас. Не бойся...»

Выслушавшая поучения Ангела, подошел он к дому Рагуила, и Сарра встретила их и подвела к отцу и матери и расспросила юношу о Товите и о здоровье его и целовали юношу, и обнимали, и радовались, и вкушали обильные снеди. И стал торопить юноша Товия Рафаила, чтобы поговорил он с отцом Сарры, как обещал. И Ангел поговорил. И «Рагуил сказал Товии: ешь, пей и веселись, ибо тебе надлежит взять мою дочь». И далее все происходило, как научил Товию Ангел, и все исполнил юноша, и помолившись вместе с нею, сказал: «Ныне, Господи, я беру сию сестру мою не для удовлетворения похоти, но поистине, как жену; благоволи же помиловать меня, и дай мне состариться с нею!» И она сказала с ним: аминь. И оба спокойно спали в эту ночь» (Гл. 8 ст. 7-9).

И был брачный пир и длился он четырнадцать дней, а Товия не смел нарушить столь длительный договор, позвал Рафаила и поручил ему, взяв с собою раба и двух верблюдов, пойти в Раги Мидийские к Гаваилу и принести серебро, чтобы самого его привести на брак, ибо отец мой в Ниневии ждет нас и считает дни. И было все исполнено так.

А Товит, действительно, стал беспокоиться о затянувшемся путешествии сына и беспокойство еще и матери его было невыносимым и они плакали горько.

Когда кончились дни брачного пира, отец невесты стал уговаривать Товию побыть еще, но умолил его Товия отпустить их, так как чувствовал скорбь своих родителей. И отпустили их, благословив, и половину имения отдав, рабов и скота... И наказали дочери своей: «Почитай твоего свекра и свекровь; теперь они — родители твои; желаю слышать добрый слух о тебе». И поцеловали ее... и Товия, в свою очередь, благодарил их и, благословяя Бога, что он все так благоустроил, отправились в путь... «и приблизились они к Ниневии».

Рафаил предложил Товии пойти вперед жены своей, чтобы приготовить помещение, «а ты возьми в руку и желчь рыбу. И они пошли. За ними побежала и собака».

Мать Товии сидела у ворот и высматривала на дороге сына своего... и увидела, и сказала Товиту — мужу своему...

Рафаил тем временем поучал Товию: «Ты только помажь желчью глаза его, и он, ощутив едкость, оботрет их, и спадут бельма, и он увидит тебя».

А мать Анна, подбежав, бросилась на шею к сыну своему... и оба заплакали. А Товит пошел к дверям и споткнулся, но сын его поспешил к нему, и поддержал отца своего, и приложил желчь к глазам отца своего и сказал: «Ободришь, отец мой!» Глаза его заело, и он отер их и снялись с краев глаз его бельма. Увидев сына своего, он пал на шею к нему и заплакал и сказал: «Благословен Ты, Боже, и благословенно имя Твое во веки, и благословенны все святые Ангелы Твои!» И сын рассказал отцу своему о чудных делах, бывших с ним в Мидии. И вышел Товит навстречу невестке своей к воротам Ниневии, радуясь и благословляя Бога. Видевшие, что он идет, удивлялись, как он прозрел. И благословил Товит Сарру, невестку свою, и сказал: «Здравствуй, дочь моя! Благословен Бог, который привел тебя к нам, и благословенны отец твой и мать твоя!» И радовались все знающие Товита в Ниневии. И еще праздновали брак Товии и Сарры семь дней.

Товит пожелал дать плату человеку, сопутствующему сыну его, и сын призвал Ангела Рафаила и предложил ему: «Возьми половину принесенного, и иди с миром».

Тогда, отозвав обоих, особо Ангел сказал им: благословляйте Бога, прославляйте Его, признавайте величие Его и исповедуйте пред всеми живущими, что Он сделал для вас... Бог послал меня утешать тебя и невестку твою Сарру. Я – Рафаил, один из семи святых Ангелов, которые возносят молитвы святых и восходят пред славу Святаго.

Тогда оба смутились и пали лицом на землю, потому что были в страхе. Но он сказал им: не бойтесь, мир будет вам, благословляйте Бога вовек».

И еще сказал, что пришел к ним не по своему произволению, а по воле Бога, и что, будучи с вами, не ел и не пил, «только взорам вашим представлялось это. Итак, прославляйте теперь Бога, потому что я восхожу к Пославшему меня, и напишите все совершившееся в книгу. И встали они и более не видели его» (*Там же: кн. Товита гл. 12*).

Закончилось библейское повествование, и мы, Настя, видим удивительное чудо. В чем же оно, как ты думаешь? Главным образом, на мой взгляд, чудо заключается в том, что Бог Сам, в силу Своей любви к человеку «нарушает» Свой собственный закон. Он создал невидимый — духовный — ангельский мир (бесплотный, то есть нематериальный) и при надобности помочь человеку, который Ему всегда молится как мы это видим в рассказе с Товитом..., обрати внимание на слова, сказанные Ангелом, при прощании: «Бог послал меня... утешать тебя и невестку твою Сарру... Все дни я был видим вами, но я не ел и не пил, — только взорам вашим представлялось это...» Видишь, невидимый мир приобретает вещественный, материальный вид и сопутствует человеку (юноше Товии), помогает ему, пока не совершит все необходимые дела, и восходит в небесные сферы...

Это библейское событие было задолго до Рождества Христова, а по Рождестве Христове, то есть в Новом Завете (в Евангелии) мы много раз встречаем повествование об Ангеле... Такой же Ангел (Гавриил), снисшедший к Деве Марии и сообщивший Ей о рождении Сына. Благовещение — Благая весть о Спасителе Христе (и значит о спасении человека). Ангел, явившийся во сне Иосифу и известивший Семейство об опасности от Ирода-царя, хотевшего погубить Младенца (бегство в Египет), и другие явления Ангелов, помогающих Апостолам, как например в книге Деяний, когда Ирод послал в темницу Петра, и его сторожили воины, чтобы, как полагал Ирод, вывести его к народу и осудить (но Церковь, то есть все друзья-ученики Христовы и последователи Христовы усиленно молились Богу). «Когда же Ирод хотел вывести его, в ту ночь Петр спал между двумя воинами, окованный двумя цепями... И вот Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу.

Ангел толкнул Петра в бок, пробудил его и сказал: встань скорее. И цепи упали с рук его...», и вывел его из темницы, и железные ворота сами собой отворились... (А Петр не чувствовал, что все происходящее с ним реально, а думал, что «видит видение»). И так «они вышли, и прошли одну улицу, и вдруг Ангела не стало с ним, тогда Петр, придя в себя, сказал: теперь я вижу воистину, что Господь послал Ангела Своего и избавил меня из руки Ирода...» (*Деян. 12, гл. 3-11*).

Но такие священные свидетельства далеко отстоят от нас по времени, и мы, люди вообще маловерные, не всегда склонны доверять им, или же говорим или помышляем — то же происходило со святыми людьми, а святых крайне мало, а в настоящее время их нет вовсе. Но так бывает до тех пор, пока или с тобой не случится что-либо таинственное и необъяснимое, или кто-то близкий или родной человек не расскажет что-нибудь необыкновенное.

Как-то мы встретились с одной нашей давней знакомой (в детстве наши семьи крепко дружили) и она, с детства глубоко верующий человек, между прочими рассказами «про жизнь» поделилась еще своим чудом. Помощь Божию всегда ощущаю и благодарю Его за все.

Рано утром (точнее, почти ночью дорога ее проходила по одному совсем не освещенному уличными фонарями месту) она торопилась на ра-

боту по уборке офиса, а это следует сделать до прихода служащих. Очень рано и безлюдно. В окнах домов нет света еще все спят...

— Иду по проезжей части, пешеходный тротуар не вижу, и вдруг мне по плечу как-бы кто-то постучал и одернул назад, остановил. Озираюсь — никого. Напрягаю зрение, смотрю под ноги, буквально на полшага передо мной открытый канализационный люк... Я, конечно, всегда с молитвой иду, но тут я чуть не вскрикнула от благодарности Ангелу-Хранителю, кому же было меня останавливать от такой опасности (я бы точно переломила ноги и искалечилась), как не Ему?

Вправо от дороги в одном из подъездов большого дома увидела свет, и пришлось отыскивать там дворника, чтобы сообщить об опасности для других. Вот такая бывает ограда и охранение по милости Божией.

Пока я для тебя, Настя, составлял этот рассказ, со мной тоже приключился чудесный случай, которому я точно объяснения так и не нашел, но краткое описание его, мне кажется, кстати и в тему.

В ночь с 9 мая на 10-ое, сильно утомившись и недомогая физически, я лег спать пораньше, чтобы, проснувшись ночью, почитать «правило». (Утром — Литургия. Праздник: Преполование Пятидесятницы).

Но проснулся не по будильнику, а от гари в горле, причем не сразу. Чувствую эту гать, а проснуться не могу, но вдруг вскакиваю... В комнате моей дым, не сказать, что сильный, главным образом, над столиком, под иконным углом, нет ни огня, ни отчетливого очага дымления не вижу. Лампада горит (она висит выше дыма и не является очагом). Начинаю читать «Живый в помощи», и греша на электропроводку, бегаю и ошупываю все розетки. Свет в трапезной (столовой комнате) горит (я его оставил, в расчете на ночной подъем), дымок там есть, но меньше, чем в моей комнате. Все розетки холодные — нормальные. Заглядываю в комнату матушки, там дыма вовсе нет, и матушка даже не проснулась. Все-таки выдернул штепсель от телевизора в ее комнате и закрыл дверь.

Вышел на улицу, обошел дом — ничего «пожарного» нет. Открыл все форточки и дверь. Дым достаточно быстро исчез. Продолжаю в уме молитвы: Отче наш, Живый в помощи и благодарение Ангелу-Хранителю, прилег, и даже уснул. Утром все запланированное исполнил: Литургию, Водосвятный молебен.

И только через день, поправляя штору у иконного столика, рука моя попала в прогоревшую часть шторы. Две, с ладонь, дыры на складках и край столика, покрытый тканью, тоже были обгоревшие. Как я не обнаружил это сразу, сам не пойму. Должно быть, «запрограммировал» на розетку и провод от лампы над аналоем. И выходит, что малейшая искра, не замеченная на пинцете, которым обычно снимаю со свечей огар (их у меня три), когда читаю молитвенное правило и кладу на металлическую тарелочку, возможно, пинцет был не аккуратно положен и коснулся ткани, и медленно тлело, и не загорелось...

Ангел-Хранитель погасил. Маленькое чудо, Милостью Божией. Другого объяснения нет.

Грешен и недостойн, но вот, однако... да и то сказать, в церкви ежедневно христиане провозглашают и слышат такие слова: «Ангела мирна, верна наставника, хранителя душ и телес наших, у Господа просим». А хор и, значит, все молящиеся поют и взывают: «Поддай, Господи!»

И Господь подает!..

А бывает, что не подает, и тогда случается пожар...

Происходит испытание. Или, может быть, такое будет называться: исправление, наказание, поучение, предупреждение, вразумление — о том, как в один миг может все исчезнуть, и ты проснешься по ту сторону бытия...

Но пока Господь милостив, шадит творение Свое и продлевает.

Поддай, Господи, об этой Твоей Милости всегда помнить и благодарить.

Так и хочется нарисовать: стоит Ангел у окна, у шторы, у иконного угла и легонько касается... и погашает или не позволяет возгореться, а только допускает: гать... пробуждает, но мне это не под силу. Это может нарисовать только Галина Скотина, она Их — Ангелов нарисовала великое множество и об этом надо бы сказать отдельно.